

Ральф Дарендорф

ОБЪЕДИНЕННАЯ ИЛИ ОТКРЫТАЯ?

ЕВРОПЕЙСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА¹

Мир и процветание в Европе: всякий, кто помнит решающий час 1945 года и все, что ему предшествовало, каждый день испытывает чувство благодарности за эти достижения. Мы также знаем, кого и что можно благодарить за цветущие пейзажи, которые пришли на смену разрухе. Прежде всего, народ Европы, который усвоил урок истории и всеми силами старался построить лучший мир. Но также и США, которые создали новые возможности и сделали все, чтобы их сохранить в послевоенную эпоху. НАТО и «план Маршалла» — это кодовые слова, за верность которым мы, европейцы, должны быть вечно благодарны. И действия народа, и помощь Соединенных Штатов способствовали процессу объединения Европы, который сам по себе является одним из выдающихся достижений последних десятилетий.

И все же нельзя сказать, что этот процесс шел гладко: приходилось отступать и двигаться окольным путем. В конце концов, в Европе никогда не было политического союза. И должен ли он вообще появиться? Этот вопрос я и хочу рассмотреть. Если мы не верим в мировой дух — дух, проявившийся в выступлениях Черчилля в Страсбурге и Цюрихе и открывший путь к созданию Соединенных Штатов Европы, — то нам необходимо задаться вопросом, отчего мы должны стремиться «к более тесному союзу» Европы, как гласит Римский договор, положивший начало Европейскому экономическому сообществу. Разве не существует более важных ценностей, чем единство Европы? Иными словами, разве само такое единство не ценно тем, что оно служит более важным ценностям? Нужна ли вообще нам Европа, которая не будет открытой к космополитическому порядку, именуемому Тимоти Гартоном Эшем «свободным миром»?

Первые этапы объединения Европы после Второй мировой войны были отмечены провалом больших проектов. Попытки — в основном французов — создать политический союз так и не получили поддержки, а альтернатив-

¹ Ralf Dahrendorf, 'Unified or open: The European alternative,' in R. Rogowski and Ch. Turner (eds.), *The Shape of the New Europe*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2006, p. 187–198.

ный план Европейского оборонного сообщества не смог получить большинства даже во французском парламенте. Организация европейского экономического сотрудничества была заменена организацией свободного мира, организацией экономического сотрудничества и развития. Совет Европы был и остается стражем Европейской конвенции по правам человека; несмотря на все его недостатки, Совет является основным столпом свободной Европы.

Провал такой кавалерийской атаки ничуть не смутил сторонников объединения Европы, хотя и заставил двигаться их окольным путем. План Шумана преследовал несколько целей, но, по крайней мере, один выдающийся европеец — Жан Моне, первый председатель Высшего исполнительного органа Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), — видел в нем первый конкретный шаг в процессе объединения. А Вальтер Хальштейн, первый председатель комиссии Европейского экономического сообщества, созданного в 1957 году, озвучил такие надежды. Он видел «внутреннюю логику», «анонимную силу, но силу, работающую только благодаря воле народа», которая и была главной движущей силой европейского объединения. Логика эта проста: «Сказал “а” — говори и “б”». Первые шаги по созданию единого рынка запускают «цепную реакцию интеграции, которая не ограничится одной только экономической и социальной политикой». Более того, внутренняя логика означает, что намерение создать «в сообществе условия, подходящие для внутреннего рынка», неизбежно сказывается и на тех ветвях экономики, что не определяются рынком напрямую. «Не простое предпочтение, а целенаправленное введение политики (например, в сельском хозяйстве и транспорте), требующее подчинения сообществу».²

Так появилась Общая сельскохозяйственная политика. Всякий, кто одинаково скептически относится к внутренней логике и мировому духу, конечно, не может не задаться рядом вопросов и высказать ряд сомнений. Даже такое важное политическое решение, как валютный союз, не привело к общей экономической политике, которой должна была бы требовать внутренняя логика. Можно пойти еще дальше и сказать, что верно прямо противоположное и что национальные экономические политики вместе с Пактом о стабильности и росте на самом деле ставят под угрозу общую валюту. Одна из проблем процесса объединения Европы состоит в том, что его логика совершенно не похожа на ту, о которой говорили Моне и Хальштейн. Ряд далеко идущих целей европейских объединений — от ЕОУС до Европейского Союза (ЕС) — на практике оборачивался сохранением *status quo*. В результате протекционизм и закрытость приходили на место открытости.

В случае с *Montanunion* (ЕОУС) это не было чьей-то ошибкой. Когда в 1951 году в парламентах шести стран-основателей обсуждался «план Шумана», уголь и сталь еще можно было считать промышленностью будущего. То же можно сказать о сырье в любом другом месте. Более того, одним из мотивов чудовищных войн было желание Германии иметь французскую

2 Hallstein 1973, p. 21.

сталь и Франции— германский уголь; и обе страны хотели контролировать Саарскую область. Десять лет спустя ситуация начала серьезно меняться. Появились новые материалы, а старое сырье на мировых рынках стало дешевле, чем у себя дома. Уголь, руда и сталь из ценных ресурсов превратились в бремя, а добывающая и сталелитейная промышленность стали требовать субсидий для своего выживания. Растущее число не нужных более шахтеров и сталелитейщиков также нуждалось в помощи. В конце концов Саар перестал быть объектом чьего-либо желания, и никто не возлагал надежд на будущее Лотарингии и Рура. В результате такого развития событий, то есть в результате непредвиденной внутренней логики, ЕОУС превратилось из источника европейской силы в инструмент субсидий, протекционизма и социальной поддержки.

В сельском хозяйстве аналогичный процесс можно было предсказать уже в 1957 году, когда ЕЭС, следуя логике Хальштейна, выработало наряду с Общим рынком Общую сельскохозяйственную политику. Хальштейн рассчитывал на еще более масштабные изменения: общая сельскохозяйственная политика означала общие цены; последние должны были устанавливаться в определенной валюте, то есть в зеленой марке или, скорее, зеленом долларе; что в конечном итоге неизбежно вело к общей валюте.³ На самом деле это привело в первую очередь к огромным затратам, опять-таки отчасти направленным на субсидирование сельского хозяйства и сельскохозяйственной торговли, а отчасти на помощь сельским сообществам, сталкивающимся с неизбежными структурными изменениями. Даже в 2005 году 40 % расходов европейского бюджета составляли расходы на Общую сельскохозяйственную политику.

Такие регрессивные протекционистские черты присутствовали у Брюсселя с самого начала. Они привели к такому бреду, как субсидии на выращивание табака, несмотря на повсеместную борьбу с курением в Европе. Они ослабляют европейские позиции в торговой политике, не говоря уже о последствиях такой позиции для «третьего мира». Но, прежде всего, они создали климат, при котором к Брюсселю всегда обращаются, когда страны или даже лобби нужна защита от предполагаемых внешних угроз.

И это не может не сказываться на самом «Брюсселе» — в том слегка пугающем смысле, который это слово приобрело сегодня. Сам Брюссель, то есть европейские институты, постепенно становится закрытым обществом. Желающие стать его членами должны принять все его основные правила; тот, кто не желает принимать их или даже просто сомневается на их счет, автоматически оказывается исключенным. Гизела Стюарт, представитель германо-британских лейбористов в парламенте, которая была членом президиума Конвента о будущем Европы, занимавшимся выработкой конституционного соглашения, предлагает нам яркое описание этого, говоря о т. н. *acquis communautaire* в своей статье о европейской конституции. Сомневаться в работе и достижениях Союза запрещено. «Обсуждение сосредото-

3 Ibid., p. 24.

но исключительно на том, что мы еще можем сделать на европейском уровне. Всякий представитель, задававший вопрос об основной цели более тесной интеграции, маргинализировался».⁴ Таких историй – бесчисленное множество.

Тенденция ЕС к замыканию в себе, сохранению *status quo*, ограничению и исключению позднее приобрела совершенно новое измерение. После окончания «холодной войны» и вхождения в состав ЕС посткоммунистических стран многие ощущали, что мира и процветания недостаточно. Так, в шести странах-основательницах из «старой Европы» поиск оснований для «более тесного союза» поднял поддержание *status quo*, ограничение и исключение на новые высоты. Это приняло вполне конкретные формы, особенно в отношении миграции, как внутренней миграции рабочей силы, так и иммиграции беженцев. Но они сосредоточились на двух более серьезных и взаимосвязанных проблемах: защите так называемой европейской социальной модели и отличии Европы от США. Еще более острая дискуссия о границах ЕС усиливает впечатление того, что союз больше нельзя считать открытым объединением, устремленным в светлое будущее; скорее, он является напуганной и жестко протекционистской организацией, цепляющейся за прошлое.

Прежде чем перейти к более пристальному рассмотрению сил, действующих здесь, и главным образом способов движения к открытой Европе, необходимо сначала откорректировать картину, нарисованную нами ранее. Не все, что ЕС делал на протяжении последних десятилетий вело – намеренно или нет – ко все большему ограничению и замкнутости.⁵ Этот недостаток может быть уравновешен одним, самым важным достижением ЕС на сегодняшний день – единым рынком.

Немецкое слово *Binnenmarkt* неспособно выразить далеко идущие последствия перехода от общего рынка к единому рынку. В политической культуре такой далекой от экономических вопросов, как немецкая, четыре свободы единого рынка – свобода движения людей, товаров, услуг и капитала – нередко недооцениваются и даже просто относятся к области свободной торговли. На самом деле они отражают создание более широкого и открытого экономического пространства – одного из двух столпов «свободного мира»; другим является политическая демократия. Но и то и другое требует господства права. Кроме того, единый рынок имеет сильную внутреннюю тенденцию к преодолению своих собственных границ, то есть к открытости единому мировому рынку, работающему по правилам Всемирной торговой организации (ВТО).

Расширение ЕС само по себе служит свидетельством в пользу открытой Европы. Это расширение дается совсем не просто, как свидетельствует пример Британии. Но оно неизбежно ведет к углублению сотрудничества.

4 Stuart 2003, p. 16.

5 Здесь и далее речь идет о ЕС и организациях-предшественниках, Европейском Сообществе и Европейском экономическом сообществе.

Широкие возможности для роста, которые отрывает ЕС для своих новых стран-членов, служат оправданием этого общеевропейского процесса. Поэтому печально, когда старые члены ЕС начинают идти на попятную и пытаются обсуждать условия переходного периода, коррекцию программ, нацеленных на содействие конкуренции, урезание бюджетов и снисходительное отношение к новым членам. Это не только печально, но и бессмысленно.

Это подводит нас к вопросу о границах и тому, насколько далеко может зайти процесс расширения. Призыв к открытой Европе не предполагает установления жестких границ, какими их рисуют в географических атласах. В одних случаях границы оказываются более широкими, в других — более узкими. Поэтому я не вижу причин, почему страна, которая является частью Европы, когда она участвует в матчах УЕФА и выступлениях на Евровидении, выходит в конвенцию по правам человека Совета Европы и является членом НАТО, не может быть включена в состав ЕС. Открытость также означает включение Турции.

Вспомним, что еще в июне 1993 года Советом Европы в Копенгагене были приняты политические и экономические критерии, которые должны применяться ко всем новым странам-членам. Этот документ, занимающий всего три странички и написанный простым языком, — одна из наиболее важных резолюций, принятых ЕС. Еще раз подчеркну: очень важно, что он написан ясным и понятным языком. Вот пример политических критериев:

К ним относятся демократия, господство права, права человека и уважение к меньшинствам. Страны, которые желают стать членами ЕС, не только должны признавать принципы демократии и господства права, но и применять их в повседневной жизни. Важно также обеспечить стабильность различных институтов и сделать так, чтобы исполнительная и судебная власть, полиция и местная администрация работали эффективно, способствуя тем самым укреплению демократии.⁶

Кроме того, эти критерии неразрывно связаны с европейской конвенцией по правам человека и Советом Европы — еще один знак открытости, не слишком характерный для ЕС.

В перечень признаков открытой Европы также можно включить резолюции, принятые ЕС в Лиссабоне в 2000 году с целью увеличения конкурентоспособности европейской экономики. Эти резолюции, касающиеся инноваций, либерализации, экономической динамики, занятости и окружающей среды, служат образцом открытости для мира. Но они также служат примером того, как благие намерения в ЕС раз за разом оборачиваются пшиком. По признанию Жака Делора, председателя Европейской Комиссии, руководившего движением Европы к единому рынку, неоценимую помощь в этом деле ему оказал один из членов комиссии — лорд Кокфилд, благодаря ему общий принцип воплотился в более чем 270 конкретных решений,

6 European Council, Final Conclusions of the Copenhagen Summit, EU Enlargement — An historic opportunity. At: <http://europa.eu.int/enlargement/intro/criteria.htm>.

принятых Европейским Сообществом. У Лиссабонской программы не было и не могло быть никакого лорда Кокфилда, поскольку почти все необходимые конкретные решения выходят за рамки компетенции ЕС. Поэтому не удивительно, что, по оценке лондонского Центра европейской реформы, эта программа исполняется только на «тройку».⁷

И так обстоят дела всегда, когда речь заходит об открытости реального союза: дорогостоящий и умеренно успешный в сохранении *status quo* и поддержке жертв изменений, имеющий некоторые успехи, но также провалы, когда дело касается проектов с многообещающим будущим. Этот результат можно признать терпимым, хотя и не вполне удовлетворительным, что объясняется необычайными амбициями ЕС. Политические элиты хотят, чтобы у него была конституция. Во внешней политике ЕС стал державой, даже великой державой, сменившей национальные государства в важных политических областях. Хотя Конвент смог убедить своего президента Валери Жискар д'Эстена не использовать данный термин, между строк все равно несложно прочесть нечто вроде Соединенных Штатов Европы. Брюссельский конвент не раз сравнивали с конвентом в Филадельфии в 1776 году.

Почему это так? Разве недостаточно того, что ЕС способствует миру и процветанию? Разве нельзя сделать ЕС более открытым, позволив другим странам насладиться точно таким же миром и процветанием? Какая нужда в «более тесном союзе» с квазигосударственными символами и институтами? Именно об этих «запретных» вопросах говорила Гизела Стюарт. Поскольку проект европейской конституции не был принят, мы вполне можем задать такие вопросы и предложить свои ответы. Я хочу рассмотреть два вопроса, каждый из которых присутствовал в философских рассуждениях о Европе. Первый — вопрос о европейской идентичности, второй — о Европе как центре власти в многополярном мире. Обе проблемы неизбежно приводят в трудную область отношений между Европой и Америкой.

В последние годы нас просто захлестнул вал литературы об идее и идентичности Европы. За всем этим стоит теория — явная или неявная, — согласно которой единство Европы является не политическим проектом, а исполнением исторической миссии. Хотя такая идея редко встречается в странах, черпающих вдохновение у Джона Локка и Давида Юма, а не у Гердера и Гегеля, сама по себе она не нова. Вальтер Хальштейн, первый из двух великих председателей Европейской Комиссии, считал объединение Европы «органическим процессом, в ходе которого существующая структурная единица, долгое время присутствующая в культуре, торговле и политическом сознании, переводится в определенную политическую форму».⁸ Второй великий председатель комиссии Жак Делор любил говорить о поиске «души Европы».

Группа теоретиков, созданная по инициативе тогдашнего председателя комиссии Романо Проди и координировавшаяся польским философом

7 Murray and Wanlin 2005.

8 Hallstein 1973, p. 14.

Кшиштофом Михальским, попыталась развить эту идею, поставив вопрос о том, что именно обеспечивает сплоченность Европы, поскольку ни единый рынок, ни политические институты не способны выполнять такую задачу. Из этого следует, говорят они, что «Европа имеет общую культуру». Европа — это «общее культурное пространство», предшествующее экономическому пространству или политической конституции. Именно общая культура создает необходимую солидарность. Далее следует важный тезис. «Эта солидарность должна быть сильнее универсальной солидарности, которая связывает (или должна связывать) всех людей и которая лежит в основе идеи гуманитарной помощи».⁹

Культурный философ Джордж Стайнер в своей лекции об идее Европы изложил эту мысль более популярным языком, назвав Европу континентом кофеен. Они встречаются от Лисабона до Одессы, от Копенгагена до

Палермо, хотя их едва ли можно найти в Москве и Англии. И уж точно их нет «в Северной Америке, за исключением галльского аванпоста в Новом Орлеане». Все это подводит Стайнера к следующему выводу: «Важно, что Европа остается верной порывам своей души, которые несовместимы с американизацией планеты, какие бы выгоды она ни сулила».¹⁰

Нужно только добавить, что такой культурный пессимизм был полностью чужд Хальштейну и группе Михальского.

Хальштейн утверждал, что объединение Европы — это «открытый процесс, который не исключает никого *a priori*».¹¹ Михальский и его группа подчеркивает, что европейское культурное пространство «в принципе открыто». «Европа и ее культурная идентичность, таким образом, зависят от постоянного столкновения с новым, иным, иностранным... Границы Европы также всегда должны пересматриваться».¹²

Тем не менее мне кажется ошибочным связывать конкретный процесс европейского сотрудничества и интеграции с более глубоким чувством идентичности или более высокой идеей. Даже попытка описания уникального характера европейского культурного пространства подчеркивает особенности, которые не ограничиваются исторически или интеллектуально одной только Европой. Это справедливо для «Просвещения», термина, просто и ясно описывающего суть всякого определения сообщества ценностей.

9 Цит. по: Reflection Group's report 'Spiritual and Cultural Dimension of Europe', at: http://europa.eu.int/comm/research/social-sciences/links/article_3336en.htm

10 Steiner 2004, p. 34.

11 Hallstein 1973, p. 14.

12 Michalski 2005.

«ВАЖНО, ЧТО ЕВРОПА ОСТАЕТСЯ ВЕРНОЙ ПОРЫВАМ СВОЕЙ ДУШИ, КОТОРЫЕ НЕСОВМЕСТИМЫ С АМЕРИКАНИЗАЦИЕЙ ПЛАНЕТЫ, КАКИЕ БЫ ВЫГОДЫ ОНА НИ СУЛИЛА»

И в теории, и на практике Просвещение включает Америку. В то же время в Европе достаточно медвежьих уголков, которые едва знакомы с такими ценностями. Подчас их не встретишь даже в самом сердце Европы. Как бы то ни было, немецкие дебаты о *Sonderweg*, начатые людьми, вроде Фрица Стерна в 1963 году с его диссертацией о «культурном пессимизме как политической опасности», не могут быть просто забыты, когда речь идет о Европе.¹³

Европа — это прежде всего разнообразие. Признание разнообразия не обязательно означает необходимость создания единства; но единство не означает ограниченность разнообразия. Это также относится к разнообразию в контексте того, что конкретизация европейской идентичности происходит под лозунгом европейской социальной модели. Сравнение и противопоставление англосаксонских и континентальных социальных показателей не является ни точным, ни политически осмысленным. Всеобъемлющее эмпирическое исследование, проведенное Йенсом Альбером, показывает, что в ЕС существует множество самых разных социальных моделей. Одни из них ближе, другие дальше от американской модели. В важных вопросах — таких, как независимость или признание неравенства, — Франция особенно близка к Соединенным Штатам. Старательно подбирая слова и опираясь на эмпирические данные, Йенс Альбер делает вывод, что «стало очевидно, что различия в самой Европе куда сильнее различий между Европейским Союзом и Соединенными Штатами».¹⁴

Это не значит, что между Европой и Америкой нет серьезных различий. За что мы тогда любим де Токвиля, если не за его описание таких различий? И, конечно, существуют специфически европейские интересы, не разделяемые Америкой, в том числе во внутренней политике и правовых вопросах. И во внешней политике существуют европейские интересы, которые дополняют, но не включают интересы Соединенных Штатов. В то же время к общему различию между «жесткой» и «мягкой» силой, проводимому Джозефом Наем, следует относиться с большой осторожностью.¹⁵ В важных вопросах (например, в вопросе иранской ядерной программы или мира на Ближнем Востоке) без поддержки жесткой, военной силы от мягкой силы нет никакого прока. И Франция с Британией не готовы делиться своей жесткой силой с другими, а поскоммунистические страны прекрасно знают, почему они сначала должны войти в НАТО и только затем присоединиться к ЕС.

В результате сотрудничество между Европой и Америкой кажется не просто необходимым, но и неизбежным. Во всяком случае, конфронтация, на которую сегодня кто-то готов пойти, является ошибкой с самыми серьезными последствиями. И вряд ли можно считать, что это послужит стимулом для объединения Европы. Кроме того, представление о многополярном мире может привести к забвению общих ценностей просвещенного мира. Юрген Хабермас слишком тесно связан с американской мыслью и мысли-

¹³ Stern 1974.

¹⁴ Цит. по: Alber 2005.

¹⁵ Nye 2004.

телями, чтобы занимать такую грубую позицию. И все же общий посыл «Нашего обновления после войны: второе рождение Европы», результата его совместной работы с Жаком Деррида, опубликованного в мае 2003 года, может быть истолкован только как призыв к самостоятельной, явно неамериканской идентичности. В основе ее лежит социальная модель и противодействие жесткой силе, особенно в случае с Ираком.¹⁶

Тимоти Гартон Эш и я заняли тогда, в июле 2003 года, другую позицию. Мы говорили о духе практического Просвещения и призыве к европейскому обновлению в этом духе. Гартон Эш затем развил эту идею в своей книге «Свободный мир».¹⁷ Его книга так важна именно потому, что она позволяет преодолеть старые представления о Западе и ясно понять, что речь идет о фундаментальной идее, которая может применяться универсально. Я уже не раз высказывался в пользу создания политического соответствия ОЭСР, Организации экономического сотрудничества и развития. Ведь распространение того, что принято называть коротким словом «демократия», то есть либерального миропорядка в смысле копенгагенских критериев для ЕС, является самой настоятельной задачей. Для этого необходимо сообщество существующих демократий, каковым может стать ОПСР, Организация политического сотрудничества и развития.

Европа важна лишь постольку, поскольку она способствует развитию и распространению либерального порядка. И для этого она должна быть открытой в двух смыслах: открытой ко всем остальным в мире, начиная со своих соседей, а также открытой в своей политике — от сельскохозяйственной политики и отношения к беженцам до поддержки инноваций.

И Хабермас с Деррида, и мы с Гартоном Эшем призывали в свидетели Канта. Спустя двести лет после смерти Кант — как и все великие мыслители — был объявлен «своим» самыми разными интерпретаторами; и теперь можно спорить об обоснованности подобных заявлений. Но мы с Гартоном Эшем увидели у Хабермаса с Деррида скорее следы Руссо или, по крайней мере, идиллическое изображение человеческих отношений, против чего возражал Кант в своей «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Напротив, мы заняли более жесткую позицию, которая не довольствуется сменой режима как целью международного вмешательства. Европа должна стремиться не к более мирному и благополучному состоянию, а служить образцом, на который может равняться остальной мир. Формула европейского императива такова: поступай так, чтобы все, что ты делаешь, могло служить принципом всеобщего порядка. Успех Европы должен оцениваться с точки зрения ее вклада в свободу мира.

Этого достаточно? Ульрих Бек, по-видимому, придерживается схожего представления. Его космополитизм открывает привлекательные перспективы благодаря признанию важности «различий и инаковости с попытка-

16 Статью Хабермаса и Деррида с множеством комментариев и откликов, включая мой собственный и Гартона Эша, см.: *Levy et al.* 2005.

17 Garton Ash 2004.

ми представить новые демократические формы политического правления, выходящие за пределы национального государства».¹⁸ Но Бек настаивает на объединенной Европе — даже «европейской империи» — в космополитическом контексте. Мне же ближе подход Германа Люббе, считающего Европу объединением с общими интересами в мире, где, с одной стороны, отношения взаимозависимости не ограничиваются одной только Европой, а с другой — небольшие государства и общества все сильнее заявляют о своем «праве на самоопределение и своей возможности достичь его».¹⁹

И вновь возникает вопрос: этого достаточно? Может ли такая Европа вызвать воодушевление у своих граждан? Предлагаемая здесь Европа — это исключительно политическая Европа, будущее которой никак не связано ни с внутренней логикой ее развития, ни с «мировым духом». Ее практическое единство гарантируется, прежде всего, тем, что британский экономист Эндрю Шонфилд, выступая на *BBC* в 1972 году, назвал растущей привычкой к сотрудничеству.²⁰ Эта привычка создает предпосылки для сотрудничества, могущего служить образцом правления в эпоху глобализации.

Название моей статьи — «Объединенная или открытая? Европейская альтернатива» — постулирует оппозицию, которую многие назовут необязательной. Почему Европа не может стремиться к более тесному союзу, при этом оставаясь открытой внутри и вовне? Разве не это было мечтой всех великих европейцев? Мой вывод, однако, заключается в том, что это сочетание всегда было поводом для громких разговоров. На деле приходится принимать решение. Конституционное соглашение служило единству, а не открытости. Расширение свидетельствует об открытости, даже если оно не обязательно способствует единству. Мы должны действовать смело, не отнимать надежду у все еще рудиментарных государств западных Балкан и укреплять открытое общество в Турции, на Украине и в самой Европе.

Насколько это может вызвать воодушевление у граждан — вопрос спорный. Возможно, вообще не может. Но у нас ничего не получится, если мы будем считать Европу последней утопией, своеобразным политическим правом, как это делают многие сегодняшние левые. Такой соблазн появляется в самом конце. Например, недостаточно следовать примеру Людвиг Эрхарда. В германских парламентских дебатах по поводу соглашения о Европейском экономическом сообществе 21 марта 1957 года тогдашний министр торговли критиковал идею регионального экономического союза, противоречившую идее свободной мировой торговли. Он сорвал аплодисменты, заявив, что прилагательное «европейский» не должно становиться священной коровой. Но затем он, чтобы не срывать планы канцлера Аденауэра, сказал, что он будет голосовать за соглашение и что на наших глазах будет создана новая Европа.

18 Beck and Grande 2004, p. 25.

19 Lubbe 2005, p. 35. Позиция Франсиса Шиниваля также близка к моей. См.: Chevenal 2003.

20 Shonfield 1973.

В таком противоречии между громкими заявлениями о Европе и реальностью европейского объединения нет ничего нового. Я полагаю, что это противоречие является одной из причин того, почему многие граждане сегодня отворачиваются от организованной Европы. То, что многие сторонники объединения Европы страстно стремятся к достижению своей цели, похвально, но это не является достаточным основанием для того, чтобы признавать главенство этой цели. Для меня главное — это свобода. Я рациональный, а не страстный европеец, но я страстный либерал. Европа важна для меня лишь постольку, поскольку она расширяет путь к свободе. Более тесный союз в Европе желателен только в открытой Европе. Поэтому космополитическое представление о всеобщей свободе служит лакмусовой бумажкой для всех европейских политиков.

Перевод с английского Артема Смирнова

ЛИТЕРАТУРА

- Alber, Jens, 2005, 'Das europäische Sozialmodell und die USA'. Текст лекции, прочитанной на Форуме фонда Фридриха Эберта 28 февраля 2005 года 'Europa sozial gestalten: Grundzüge und Chancen des Europäischen Sozialmodells' в Галле.
- Beck, Ulrich and Edgar Grande, 2004, *Das kosmopolitische Europa*. Frankfurt/M: Suhrkamp.
- Cheneval, Francis, 2003, 'Die kosmopolitische Transgressivität der modernen Demokratie', in (Georg Kohler, and Urs Marti (eds.), *Konturen der neuen Welt (un)ordnung*. Berlin/New York: de Gruyter, p. 102–119.
- Garton Ash, Timothy, 2004, *Free World*. London: Allen Lane.
- Hallstein, Walter, 1973, *Die Europäische Gemeinschaft*. Dusseldorf/Wien: Econ.
- Levy, Daniel, Max Pensky and John Torpey (eds.), 2005, *Old Europe — New Europe — Core Europe: Transatlantic Relations After the Iraq War*. London: Verso.
- Lubbe, Hermann, 2005, 'Interessen und Werte. Die europäische Einigung und der neue Pragmatismus der Stimmbürger', *Neue Zürcher Zeitung*, 10 June, p. 35.
- Michalski, Krzysztof et al., 2005, Reflection Group's report 'Spiritual and Cultural Dimension of Europe', at: http://europa.eu.int/comm/research/social-sciences/links/article_3336en.htm.
- Murray, Alasdair and Aurore Wanlin, 2005, *The Lisbon Scorecard V. Can Europe Compete?* London: Centre for European Reform.
- Nye Jr, Joseph S., 2004, *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Books.
- Shonfield, Andrew, 1973, *Europe — Journey to an Unknown Destination*. London: BBC Publications.
- Steiner, George, 2004, *The Idea of Europe*. Tilburg: Nexus Institute.
- Stern, Fritz, 1974, *The Politics of Cultural Despair. A Study in the Rise of the Germanic Ideology*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Stuart, Gisela, 2003, *The Making of Europe's Constitution*. London: Fabian Society.